

Наутро Цан Доушань проснулся и обнаружил, что у него распухли губы. Мало того, вокруг рта высыпала мелкая красная сыпь, которая нестерпимо чесалась.

Вэйшэн мазал его мазью и покатывался со смеху — всё громче и наглее. Цан Доушань едва не лопался от злости и то и дело норовил съездить шутнику по затылку, гоняясь за ним по всему дому.

— Да я не нарочно, честное слово! Но ты на себя посмотри, это же уморительно! Ха-ха-ха!

— Закрой пасть, тварь паршивая! — вскипел Цан Доушань. — Пошёл вон!

— Молчи, умоляю, ты когда рот открываешь, я вообще сдерживаться не могу! — Вэйшэн аж заходился от хохота, вздрагивая всем телом. — Точно говорю, это всё из-за зелёного манго. Нечего было его жрать. Всё, теперь эти фрукты только мои, ха-ха-ха!

— Подавись ты ими, гадёныш.

У Доушаня от злости разболелась голова. В прошлой жизни он лопал всё подряд и никогда не знал проблем, а в этом дурацком теле стоило съесть один несчастный плод, как тут же обсыпало. И ведь надо же было такому случиться — манго он обожал больше всего на свете!

Обида и досада душили его. Он потянулся было почесать зудящую кожу, но Вэйшэн тут же перехватил его руку:

— Но-но, не трогай! Как бы ни чесалось, не смей раздирать. Занесёшь заразу, лицо испортишь — девки любить не будут.

Но зуд стоял невыносимый, да и рот открывался с трудом — хоть плачь. Вэйшэн присел перед ним на корточки и, заглядывая снизу вверх, ехидно прищурился:

— Ой-ой, неужто плакать собрался?

— Проваливай к чертям собачьим! Ослеп, что ли? С чего мне плакать!

— Ладно-ладно, не кипятись. Видишь, как твой верный пёс о тебе заботится, — примирительно хмыкнул Вэйшэн и прижал к его опухшим губам кубик льда. — Ну как, полегчало?

Доушань лишь неопределённо буркнул в ответ и затих.

Следующие две недели Цан Доушань носа на улицу не показывал. Так незаметно пролетел почти месяц.

За это время он несколько раз погружался в черно-белое пограничье духовного зрения, а в один из разов краем глаза уловил лик самой богини Сихэ. Очнулся он тогда в холодном поту, дрожа всем телом от благоговейного ужаса.

Между тем у Вэйшэна в его духовных изысканиях тоже возникли трудности. Но признаться в этом другу он не решался.

Источником его духовных сил по-прежнему оставалось Чёрное море, но по мере того, как сам Вэйшэн креп, на некогда безмятежной глади мёртвой воды начали происходить странные вещи.

Там, на самом краю тёмного горизонта, мало-помалу проступала сияющая белизной дуга. Идеально ровный, гладкий изгиб напоминал край встающей над водой луны.

Вот только эта луна была чудовищных размеров. Почти вся линия горизонта тонула в её холодном, ослепительном отсвете.

С каждым новым погружением светило поднималось всё выше. Судя по крутизне изгиба, когда этот исполинский диск покажется целиком, он займёт собой добрую половину небосвода.

Полнеба — сплошная луна. От этой мысли Вэйшэну становилось не по себе, но поделать он ничего не мог.

Его связь с Чёрным морем укрепилась настолько, что стоило ему прикрыть глаза, как сознание само собой проваливалось в эту пучину. Избежать этого было невозможно.

Сегодня же, едва очутившись в знакомых водах, он оторопел: луна взмывала ввысь прямо на глазах, раза в два быстрее прежнего!

Свинцовый купол неба наливался слепящим сиянием, бледные лучи пробивали толщу воды насквозь. На поверхности вспыхивали мириады искр, а в недрах бездны, куда этот свет дотянуться не мог, сгущался зловещий багрово-чёрный мрак.

— А-ах! — Вэйшэн дёрнулся всем телом и распахнул глаза.

Сидевший неподалёку Цан Доушань — он как раз медитировал при лунном свете — приоткрыл один глаз и ровным голосом заметил:

— Ты во сне матерился без остановки.

— Да?.. Неужели?

— И зубами скрипел так, что на всю комнату стоял скрежет.

— А, понятно... — Смутившись, Вэйшэн отвёл взгляд. Голова после такого сна была чугунной, тело налилось свинцовой усталостью. Измученно вздохнув, он со стоном повалился обратно на постель. — Ох-хо-хо...

Он лежал без движения, но спать больше не смел — слишком силен был страх вновь оказаться лицом к лицу с той кошмарной луной. Так и лежал, уставившись в потолок широко раскрытыми глазами.

Окончив вечернюю медитацию, Доушань размял затёкшие плечи и потянулся к одеялу:

— Чего не спишь-то?

— Да так... Ты спи, не обращай внимания.

Цан Доушань улегся, прикрыл глаза, и вскоре его дыхание выровнялось. Трудно было понять, заснул он или просто дремал.

Вэйшэн покрутился с боку на бок, изнывая от скуки. В конце концов он бесшумно поднялся, прошлёпал босиком по дощатому полу к леднику и приподнял крышку. Лёд внутри давно растаял, превратившись в талую воду. Сложив пальцы в быстрой мантической печати, Вэйшэн заморозил её обратно, и над ящиком снова поплыли сизые струйки прохладного пара.

Делать было решительно нечего. Он тихонько выскользнул на крыльцо. Настоящая луна, висевшая в ночном небе, казалась совсем крошечной, жёлтой и сморщенной, точно забытый на столе пряник.

При виде этого «пряника» у него тут же засосало под ложечкой. Захотелось перекусить.

Будить ради этого Доушаня было дохлым номером. Сам же Вэйшэн в кулинарии не блистал: его предел ограничивался варкой вонтонов да приготовлением простейшего жареного риса с яйцом.

«Чего бы такого сварганить?» — размышлял он по пути к кухне. Голод разыгрывался не на шутку, мысли путались. Уже у самой двери его осенило: надо приготовить жареный рис. В лавке как раз оставались сушёные чайные розы — если их мелко раскрошить и бросить в сковороду, выйдет нечто изысканное. «Кому ещё придёт в голову такая роскошь?» — самодовольно подумал он, предвкушая пиршество.

Но едва он толкнул кухонную дверь, изнутри донёсся звонкий хруст — на полу разлетелась глиняная плошка.

— У-у... Гр-р-р! — В дальнем углу, сжавшись в комок, хрипло, по-звериному рычал старик. Тело его напряглось, спина выгнулась дугой — вылитый барс, готовый к прыжку.

Вэйшэн застыл на пороге. Первым делом он скосил глаза на его запястья. Старика держала тяжёлая цепь, на звенья которой Цан Доушань наложил защитные заклятья и заговор нерушимости — такую преграду и десяток быков с места не сдвинули бы.

Цепь уцелела — она кольцами обвивала туловище безумца, а на спине его, словно неподъёмный горб, покоился тяжёлый корабельный якорь, венчавший эти путы.

«Связываться себе дороже», — прикинул в уме Вэйшэн.

Он медленно поднёс палец к губам:

— Тс-с... Тихо.

Старик сверкал одичалым взглядом, не отрываясь от гостя. Вэйшэн заговорил самым примирительным тоном, на какой был способен:

— Мы ведь с тобой не враги, правда? Я просто проголодался, пришёл приготовить чего-нибудь перекусить.

Старик тяжело, прерывисто дышал, провожая глазами каждое движение юноши. Тот на цыпочках обошёл его, достал из навесного шкафа небольшой деревянный ледник и снял крышку. Изнутри пахло морозным паром. Там лежали остатки вчерашнего обеда и лукошко со свежими яйцами.

— Сухомятка — это не еда, человеку нужно горячее, согласен? Подвинься чуток, мне нужно растопить очаг.

Старик не шелохнулся. Вэйшэну пришлось боком, едва ли не прижимаясь к стене, протискиваться мимо него. Он набрал охапку щепок и сухой соломы, развёл огонь и поставил на плиту глубокую сковороду. Покрошил затвердевший рис, плеснул на доньшко масла и каплю воды. Сперва хотел было нарезать зелёного лука, но вовремя вспомнил про бутоны роз и передумал. Разбил три яйца, быстро перемешал всё лопаткой и накрыл крышкой, чтобы рис потомился. Затем снова, затаив дыхание, прокрался мимо грозного стража, вихрем слетал в лавку, схватил пригоршню сушёных розовых бутонов и вернулся назад. Перетирая хрупкие лепестки в ладонях, он щедро усыпал ими скворчащее блюдо.

По кухне поплыл густой, сладковатый аромат. Сушёная роза, которую они закупали для лавки, была знаменитым сортом из Цзюйхуа — мелкая, но удивительно душистая. От жара сковороды её запах раскрылся ещё ярче, заполнив всё помещение. Обычно её использовали для изысканных цветочных чаёв или в качестве основы для пудры.

Вэйшэн подцепил щепотку на пробу, пожевал и разочарованно скривился. Пахло-то великолепно, а вот на вкус вышло так себе — обычный лук подошёл бы куда лучше.

Он скоился на старика, присел на корточки и негромко спросил:

— Будешь?

Запах еды творит чудеса. Хотя старик по-прежнему стоял в напряжённой позе дикого зверя, злоба из его взгляда испарилась. Он покосился на диковинный розовый рис, в одно мгновение выхватил плошку из рук парня и, уткнувшись в неё лицом, принялся жадно уплетать угощение.

«Мой рис... моя ночная стряпня...» — у Вэйшэна защемило сердце от безвозвратной утраты.

Пусть на вкус вышло странновато, да и выглядело как ведьмино зелье, но ведь он готовил это для себя!

Старик смолотил порцию в три глотка, швырнул пустую посуду на пол и уставился на юношу тяжёлым, требовательным взглядом. Вэйшэн понял: добром это не кончится. Какое-то время они молча играли в гляделки, пока парень наконец не сдался. Он вздохнул, поднялся, достал из ледника все остатки дневной трапезы, быстро разогрел их на огне и выставил перед незваным гостем. Старик с тем же утробным чавканьем подчистил всё до последней крошки, вылизав глиняные миски до блеска.

— Ну вот, — развёл руками Вэйшэн, — риса нет, закусок тоже не осталось. Теперь-то ты доволен, почтенный?

Тот лишь глубже забился в свой угол и ничего не ответил.

Сам Вэйшэн успел проглотить от силы пару ложек, так что в животе у него по-прежнему урчало. Чертыхаясь про себя, он вымыл посуду и уже собрался уходить.

Но тут старик сорвался с места и промчался мимо него во двор — стремительно, точно пущенная из лука стрела.

От такой невероятной прыти — и это с вековым грузом железа на плечах! — у Вэйшэна перехватило дыхание. Испугавшись, что безумец выберется за ворота и натворит бед, он бросился следом.

Тот обнаружился у пруда с лотосами. Посреди внутреннего дворика Обителю Бессмертного Чайника раскинулся небольшой водоём, заросший кувшинками. Особого ухода за ними не водилось, но они всё равно цвели пышно. В глубине, среди стеблей, плавали золотые рыбки, которых от нечего делать подкармливал только Цан Доушань.

Сейчас старик распластался на каменном парапете, свесившись над самой водой. Одним молниеносным движением он погрузил руку вглубь, выудил скользкую рыбину и тут же, живьём, вонзил в неё зубы.

«Пресветлые боги...» — содрогнулся Вэйшэн.

Он остолбенел от отвращения, а в голове вертелась лишь одна дурацкая мысль: «Она же сырая и тиной воняет! Как его не тошнит?»

Да и какая в золотой рыбке корысть? Один чешуйчатый хвост да кости.

Одной рыбёшкой сыт не будешь. Старик вытащил вторую. Мутная сукровица закапала с его пальцев в воду, распугивая мечущуюся в панике стайку. Закачались, пошли ходуном широкие листья кувшинок.

Сожрав обеих рыб, старик некоторое время сидел неподвижно, прислонившись спиной к резным перилам. Но вдруг он резко вскочил и принялся выделять в воздухе невообразимые кульбиты, нанося невидимому противнику яростные удары руками и ногами.

Вэйшэн застыл, боясь шелохнуться.

Пудовые железные оковы словно потеряли вес. Старик двигался плавно и стремительно; во время его выпадов и прыжков чугунный якорь свистел в воздухе, но звенья цепи почти не звенели. Напротив, в их глухом шорохе угадывался странный, завораживающий такт, напоминающий ритмичные удары ритуального барабана.

Металл не сковывал его движений — он вился вокруг его тела, подобно шёлковым лентам в руках искусного танцора.

Юноша наблюдал за ним затаив дыхание. Старик завершил одну связку движений, без передышки перешёл к другой, а затем, лишь на миг застыв в стойке, начал третью.

В какой-то момент из тени галереи показался Ху Лэ. Он молча остановился на противоположной стороне двора, устремив взор на безумца. Вэйшэн лишь мельком скользнул по нему взглядом и вновь уставился на старика — это зрелище захватило его целиком. Наконец, закончив упражнения, тот тяжело, прерывисто выдохнул и, волоча цепь, пошёл обратно в свою каморку.

Ху Лэ заботливо подержал перед ним дверь. Вэйшэн остался стоять во дворе, привалившись спиной к опорному столбу, в ожидании, пока парень вернётся.

Вскоре тот действительно вышел, понуро опустив голову.

— Ты ведь давно об этом знал, да? — негромко спросил Вэйшэн.

— Его не удержать никаким железом, — вздохнул Ху Лэ. — Оковы нужны лишь для отвода глаз. Чтобы соседи не пугались, иначе нас давно бы вышвырнули. И здесь, в Обители, всё точно так же.

Вэйшэн устало потёр переносицу. Ху Лэ со своим подопечным жили в Обители Бессмертного Чайника уже порядочно, и старик до этой ночи хлопот не доставлял. Устраивать сцену и предъявлять претензии сейчас казалось глупым и несправедливым.

— Ладно, цепи бог с ними. Но то, что он бродит по ночам в поисках пропитания — ты-то об этом знал? Почему не приготовил ему ужин заранее? И ладно бы просто ел, но ловить рыбу в пруду и жрать её живьём... — При одном воспоминании об этом у Вэйшэна к горлу подкатила тошнота.

— В том-то и беда, я сам не понимаю, почему так, — понурился Ху Лэ. — Мою стряпню он и в рот не берёт. Ему обязательно нужно стянуть что-то чужое. Упрямый как осёл, сладу с ним нет.

Вэйшэн лишь развёл руками. Помолчав, он спросил:

— И часто он так... тренируется? Каждую ночь?

— Каждую, — кивнул Ху Лэ. — Я поначалу пробовал повторять за ним. Он не противился, просто не обращал на меня внимания. Так я и стал считать его своим учителем.

— Вот оно как... — В душе Вэйшэна шевельнулось любопытство.

Цан Доушань в основном обучал его тонкостям сотворения чар. Сам же Вэйшэн втайне грезил о том, чтобы обзавестись парящим клинком. Рассекать облака верхом на мече, разить врагов за тысячи ли — какая неопишуемая крутизна!

Но Доушань живо остудил его пыл, окатив ушатом холодной воды. Секта Сихэ издревле славилась заклинателями, а полёты на мече — удел суровых мечников.

Путь Меча даровал сокрушительную боевую мощь, да и последователей у него было пруд пруди, отчего у простых людей и сложилось ложное мнение, будто всякий уважающий себя практик обязан таскать за спиной клинок. Но на деле всё обстояло иначе.

Мечники и впрямь не знали равных в бою, однако для постижения высших истин этот путь подходил мало. К тому же искусство владения мечом считалось одной из самых непостижимых и капризных дисциплин — освоить его было куда сложнее, чем научиться биться копьём. Истинных мастеров, достигших вершин этого искусства, во всём мире можно было пересчитать

по пальцам.

«Что ж, раз с мечом не судьба, может, хоть кулаками махать научусь?» — подумал он.

И, не удержавшись, выпалил:

— Слушай, а покажешь мне пару приёмов?

<http://bllate.org/book/18329/1819762>